«Мы не просто следователи, мы – исследователи» - интервью с руководителем СУ СК России по ЯНАО А.Н. Егоровым

Профессионал, с которым интересно обсуждать как сугубо юридические нюансы, тонкие моменты правосудия, так и ностальгически вспоминать посадку картошки на майские. Руководитель следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по ЯНАО генерал-майор юстиции Андрей Егоров — собеседник интересный, парадоксальный. Который считает, что проявления бандитской лихости — признак душевной слабости, а следователь должен себя ощущать не как представитель «аппарата угнетения», а как исследователь жизни…

Курс — на максимальную открытость

– Андрей Николаевич, пока готовился к нашей встрече, успел дважды сильно удивиться. Зашел на сайт следственного управления и понял, что там в свободном доступе есть ответы на

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ямало-Ненецкому автономному округу.

многие вопросы, которые готовил для вас. Вся статистика по всем видам преступлений за несколько лет. Раскрытые-нераскрытые, обращения и жалобы граждан. Потом заглянул в ваш аккаунт в соцсети «ВКонтакте». Знаете, не у всех городских СМИ такое количество просмотров… Причем у вас там не просто сухие сводки по преступлениям. Фото, видео. Работа с подростками, хоккей на валенках. Непривычно. Вместо ожидаемого официоза ведомства, застегнутого на все пуговицы, — живые тексты, интонации! Плюс впечатляющая статистика по обратной связи с населением. Принципиальная ваша позиция? Новое веяние?

– И в стране, и на Ямале — курс на максимальную открытость госорганов. Ну и мы, конечно, сами стараемся в силу творческих возможностей сотрудников, задействованных на этом направлении. Не буду лукавить — не всегда открытость может сочетаться со спецификой нашей работы, но, с другой стороны, когда это возможно — обратная связь нас заряжает. Вот возьмем работу с трудными подростками, живое общение с мальчишками. Побегали мы с ними с клюшками по льду. И они в нас видят не угрозу, а пример. И мы к ним относимся по-другому. Ты поговоришь с ним, узнаешь историю семьи — не всегда благополучной, поймешь, почему он такой ершистый… И самого его поймешь, почувствуешь. Тогда сами собой найдутся те слова, которые дойдут до его души. Эти эмоции можно получить только так, их тебе никто не даст в долг, ты их нигде не купишь, не найдешь на улице. Их можно только себе создать.

Мы по закону не включены в перечень субъектов профилактики, поскольку обязаны порой расследовать уголовные дела в отношении тех самых субъектов профилактики, которые не доработали. Но профилактикой занимаемся. И будем впредь.

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ямало-Ненецкому автономному округу.

Андрей Егоров — собеседник искренний, увлеченный своей профессией и историей уголовного права. Фото: СУ СКР по ЯНАО

– Помогает видеть жизнь с двух сторон?

– Я часто повторяю, что мы не просто следователи. Мы — исследователи. Мы исследуем ситуацию, погружаемся в нее и должны разобраться, а разобравшись, принять решение. Оно может быть разным, может как обвинительный характер носить, так и оправдательный.

Все уже прекрасно понимают: пока приговора нет, сложно говорить о виновности человека. И возвращаясь к вашему вопросу об открытости и новых веяниях: нам важно показать, что следствие — это не тот страшный орган, который однозначно нацелен всех непременно «посадить».

– Есть выражение такое — аппарат угнетения… То есть вы не хотите такого имиджа?

– Мы не то что не хотим, мы таковым в принципе не являемся, по закону. Это устаревший стереотип, который очень долго выходит из голов. Он остался со времен, когда функция следствия была в прокуратуре, а прокуратура — это всё-таки аппарат обвинения в нашем законодательстве. Так или иначе, все прекрасно понимают, что прокурор — обвинитель. Как говорили: прокурор — отец, следователь — дитя и перечить не будет.

Прекрасно, что руководство страны решило возродить идею Петра Великого и отделить Следствие и от Надзора и, кстати, от суда. Да-да, потому что это в наши времена суд — отдельная ветвь власти, а был период, когда был судебный следователь. Представляете, следователь с полномочиями судей! Сам расследовал, сам разобрался и сам решил судьбу дела.

С точки зрения современного права это выглядит, конечно, странно и не обеспечивает подследственному и подсудимому объективного разбирательства.

Всё-таки сегодня, когда следствие, надзор и суд распределены между разными ведомствами, обеспечивается объективность процесса. Мы же сами друг друга и поддерживаем, и останавливаем, и контролируем, и где-то предупреждаем, а где-то и пресекаем…

Поэтому следователь не должен ассоциироваться только с одной задачей — «посадить» человека. Он может оказаться тем, кто, разобравшись в ситуации, защитит попранные права, оградит от ложных обвинений.

Можно ли раскрыть все убийства?

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ямало-Ненецкому автономному округу.

– Львиная доля убийств и прочих преступлений против личности на Ямале — это пьяная бытовуха. Из-за этого у нас стопроцентная раскрываемость против половой неприкосновенности и 95-процентная по убийствам? Ведь такая раскрываемость на фоне среднероссийской — просто заоблачная…

– Мы не на самом первом месте, есть субъекты, где 98–99% раскрываемость. Но я о другом хочу сказать. В таких огромных, малолюдных регионах, как Чукотка, Ямал, Якутия, где лесные массивы, труднодоступные территории, своя специфика. Именно она порой не позволяет нам довести раскрываемость до ста. Давайте разберемся, какие бывают убийства и как их тип влияет на показатели раскрываемости.

Помимо тех убийств, которые, скажем так, квалифицированные, сопряженные с грабежом, изнасилованием, экстремизмом, есть еще просто бытовые. Когда на кухне мужики пили-пили, встретились по приятному поводу, но вспомнили «за неприятный»… И тут начинаются разборки, которые выливаются потом в большую беду... Такие преступления раскрываются если не мгновенно, то по горячим следам.

С ними мы и выходим на 95-процентную раскрываемость. А вот остальные пять — зачастую преступления, которые случаются при неочевидных обстоятельствах, где мало того, что нет никаких свидетелей, так еще с момента смерти человека до прибытия следователя к месту проходит порой месяц, а то и полгода. Самый типичный случай: поехали на рыбалку два товарища. Один домой вернулся, второй нет. Потом мы находим где-то плавающую лодку, либо оставленный снегоход. Вызываем вернувшегося товарища, а он говорит: «Я не в курсе, я только удочку забросил». Ну посмотрели в палатке — есть ли следы борьбы. И дальше начинается кропотливая, ювелирная работа самых опытных следователей и криминалистов, которые по крупинкам, по волоскам, по скосам пыли на столе воссоздают картину событий. Иногда это удается. Иногда — невозможно ничего доказать.

В кадровом резерве — самые опытные

– Вечная головная боль любого руководителя — кадровый дефицит. У вас как с этим?

– С кадрами у нас проблем нет, сформирована очередь из желающих служить на Ямале. Мы к ним присматриваемся и лучших ставим в резерв. Как открывается вакансия — приглашаем. И знаете, чем хороша такая система? В стране существуют несколько сильных вузов, столпов юридических. И вот в результате у нас в управлении собиралась целая палитра юридических школ. Это дает хороший эффект, ребята друг у друга учатся, перенимают лучший опыт. Я говорю «ребята», но это, конечно, люди, которым уже за 30, у каждого за спиной — рюкзачок профессионального и житейского опыта, полученный на территории других субъектов. Как правило, к нам стараются переходить, и мы стремимся принимать тех, кто лет по пять отработал.

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ямало-Ненецкому автономному округу.

Ну и потом, мы же не только из других подразделений пополняемся. К нам приходит и молодежь. В стране существуют две академии следственного комитета. Заключены договоры на обучение и с другими специализированными вузами.

– Слушайте, ну вы первый на моей памяти руководитель, который со спокойной гордостью может сказать, что проблем с кадрами у него нет!

– Я не могу сказать, что их совсем нет. Но эти проблемы настолько незначительные, что они не влияют на процесс. Случись необходимость, я спокойно проанализирую нагрузку в территориальных подразделениях и, если увижу, что где-то следователь высвободился, закончив ряд уголовных дел серьезных, я могу его спокойно прикомандировать к тому подразделению, где он необходим в данный момент. На сорок суток имею право откомандировать сотрудника без его согласия.

В северных регионах своя специфика. Иногда в ожидании вертолета следователь и подозреваемый могут по несколько дней жить на стойбище. Фото: СУ СКР по ЯНАО

– Один мой товарищ с ранней юности — с училища — носил погоны. А потом в районе сорока ушел на пенсию и стал работать на гражданке. Первые полгода ломало его страшно! «Не понимаю, — восклицал, — как вы вообще тут живете?! Быть гражданским — это же ужас. Во-первых, прям с утра проблемы: вот ты встаешь и должен думать, что надеть?! Как сочетаются рубашка и галстук, галстук и костюм, ремень и туфли… Раньше надел мундир и пошел! Сам красивый, голова ясная, свежая, ни о чем не болит. Знаешь, что на работу придешь, и тебе либо командир скажет, что делать, либо всё будешь делать по инструкции. Или, к примеру,

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ямало-Ненецкому автономному округу.

раньше я всегда знал, кто на службе умнее меня, а кто глупее. Смотришь на погоны — и всё ясно. А тут! На всех одинаковые костюмы, и ничего не понятно!» Конечно, товарищ мой иронизировал и упрощал, но зерно есть.

– Есть! — смеется генерал. — Понимаете, в профильных наших академиях сосредоточены на получении курсантами определенных навыков для конкретных задач. А гражданский университет он как бы учит жить. В целом. Там дают более широкий спектр знаний. И да, я понимаю, возможно, это немножко для вас забавно прозвучит, чуть-чуть по-солдафонски, но получается, что это даже иногда потом проблематичней для выпускника гражданского вуза. На службе человеку надо научиться мыслить по-другому. На первоначальном этапе мы еще беремся переделать человека, но если уже где-то поработал после вуза на гражданке, шансы, что сможет служить у нас, сильно снижаются. Понимаете, у нас все построено на Уголовно-процессуальном кодексе и регламентах. Человеку, который не привык жить вот так — в очень жестких рамках, которые нельзя ни обойти, ни сдвинуть, — ему очень сложно, не все выдерживают.

Но при этом не подумайте, что следователь — это сухарь, который способен только выполнять инструкции. С таким подходом высот в профессии не достичь. Так подмастерьем и останешься... И поручать тебе будут лишь простые «одноклеточные» дела. На мой взгляд, настоящие мастера следственного дела — как художники. Есть такие дела, которые без каких-то неожиданных решений, без озарений, если хотите, не раскроешь.

Всегда говорил, что работа следователя — это творческий процесс, глубоко творческий! Если человек не наделен какими-то творческими способностями, у него и следствие будет тяжело идти.

В чем заключается наша работа? Сбор доказательств в рамках, установленных Уголовно-процессуальным кодексом. И нужно стремиться, зная все стандартные способы, найти порой свой, уникальный способ добычи доказательств, но чтоб при этом они были допустимыми по закону.

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ямало-Ненецкому автономному округу.

Следственное управление активно участвует в патриотическом воспитании молодежи. Проводят тематические уроки, спортивные состязания, акции, личные беседы. Фото: СУ СКР по ЯНАО

Когда я сам был молодым следователем, у меня рисовать очень неплохо получалось. И я делал зарисовки. Спрашиваешь у свидетеля или обвиняемого, как происходила стрельба, кто где находился в тот момент. И рисуешь. Потом показываешь участникам эпизода: «Так всё было?» — «Да!» — «Хорошо, распишитесь!» Прикладываешь к протоколу допроса. И так наглядно получалось, что у меня эти рисунки суд к делу приобщал! Где-то в судебных архивах хранятся эти работы…

Цифры

В 2022 году в производстве следователей СУ находилось более 1140 уголовных дел, что на 7% больше, чем в 2021. Раскрываемость убийств составила 95% (в предыдущем году — 95%), преступлений против половой неприкосновенности 100% (в предыдущем году — 100%), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом 100% (в предыдущем году — 92%).

Результатом деятельности СУ в сфере противодействия коррупционным преступлениям стало возмещение в бюджет более 428 миллионов рублей, наложен арест на сумму более 1 миллиарда 376 миллионов рублей. По уголовным делам о налоговых преступлениях обвиняемыми и подозреваемыми возмещено более 127 миллионов рублей, почти 15 миллионов выплачено потерпевшим, перед которыми имелась задолженность по заработной плате.

Адрес страницы: https://yanao.sledcom.ru/folder/879484/item/1792778

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ямало-Ненецкому автономному округу.